

Во рту у Ёну было горько.

Он откинулся на спинку сиденья машины, словно уткнулся в неё головой, и закрыл глаза.

После смерти сержанта Ким Чону, после своей собственной смерти, после открытия подземелья. В тот день, когда Ёну вернулся к жизни, и перед ним, став полковником, появился Чону — всё в его жизни пошло под откос.

Даже когда его обливали каким-то зельем или чем-то похожим на зелье, его измождённое тело не могло справиться с жаром, разрывавшим его изнутри. Монстр — королева муравьёв — оказалась менее опасной, чем его брат охотник.

Чону поддерживал Ёну, выводя его из подземелья.

Снаружи собралась толпа людей. Позже Ёну узнал, что в тот день проходила церемония увольнения Чону со службы. Это было событие национального масштаба, транслируемое в прямом эфире по ТВ и в интернете.

Но прямо во время церемонии открылось подземелье «Университетская улица 01», и Чону, получив сообщение, бросил мероприятие и ринулся внутрь. Вся страна наблюдала за этим в прямом эфире.

Когда он появился, неся на себе измождённого Ёну, толпа взорвалась криками восторга. Казалось, что вся Университетская улица превратилась в собрание какой-то секты, поклоняющейся Мо Чону.

Тогда Ёну впервые начал догадываться, что Чону изменился не только возрастом.

Однако достижения, о которых он узнал позже, казались ему почти невероятными.

Чону стал «новой легендой». После легендарного Шин Чонёна появился другой — живой миф.

Новая легенда Мо Чону стал охотником изменившегося мира. Он открыл способность охотников, которую до него никто не смог обнаружить, и поделился ею с миром.

После этого уровень демобилизации охотников в армии РК достиг 80%. Количество жертв среди гражданских во время волн монстров почти сравнялось с нулём.

Это были достижения, достойные увековечивания в биографиях. Он действительно получил множество наград.

Он стал полковником в невероятно молодом возрасте, установив рекорд в истории ВС РК, но даже после этого не остановился. Ведь чтобы называться «новой легендой», нужны были веские причины.

Полковник Мо Чону сосредоточился на повышении эффективности использования охотников и реформе стратегии зачистки подземелий. Он добился приватизации службы охотников — так появились частные гильдии.

Период беспорядков с участием частных гильдий оказался недолгим. Чону, будучи военным, основал собственную гильдию и подавил произвол других. Хаос быстро сошёл на нет.

Тогда Япония хвасталась тем, что управляет охотниками и обороняет подземелья лучше всех.

«Принудительно создают солдат охотников, приносят их в жертву... Сугой~ Вот это по-корейски. Настоящее варварство», — с усмешкой комментировал японский ведущий в выпуске новостей о «ужасной реальности корейских солдат охотников».

Тем временем за пределами Токио волны монстров прорывали японскую оборону, унося жизни мирных жителей.

Но Япония скрывала масштабы бедствия и превозносила свои «демократичные» методы управления охотниками, постоянно сравнивая себя с Кореей.

И тогда появился полковник Мо Чону. Он первым в мире открыл скрытую способность охотников — так называемое «меню статуса».

Оно напоминало интерфейс персонажа из MMORPG — с теми же функциями: после активации меню охотник получал уникальный набор навыков, мог прокачивать характеристики, улучшать тело и разум.

Это называли «вторым пробуждением» или просто «пробуждением», чтобы отличать от первого — врождённого.

Но в отличие от первого пробуждения, которое происходило случайно, второе могло быть вызвано намеренно — с помощью определённой процедуры. И знала её только Корея.

Мир не мог игнорировать это — к Сеулу потянулись с предложениями сотрудничества.

Корея охотно делилась знаниями: обучала пробуждению, объясняла, как создавать гильдии. Президент страны лично выступил с обращением в прямом эфире, заявив, что, перед лицом угрозы человечеству, знания о подземельях и охотниках должны быть доступны всем — без исключения.

Япония, не желая отставать, с неохотой попросила у Кореи помощи, что стало для неё унижительным.

Хотя Корея щедро делилась информацией из гуманистических соображений, японская элита не могла избавиться от ощущения унижения.

Но вопреки национальной обиде, японцы были очарованы полковником Мо Чону.

Он был не просто красив — он выглядел почти нереально. Идеальные черты, исключительные способности охотника, полковничье звание в столь юном возрасте.

В личной жизни — безупречен. С подчинёнными и женщинами — обходителен. Наследник богатой семьи, но в глазах публики это было всего лишь приятным дополнением.

Казалось, у него есть всё. И даже характер был идеальный.

Об этом говорило и то, как он попал в армию: родители усыновили сироту и отправили его в армию вместо сына, чтобы тот избежал призыва — так тогда поступали в обеспеченных семьях.

Но как только Мо Чону сам пробудился как охотник, он добровольно пошёл в армию — чтобы найти пропавшего в подземелье приёмного брата. История, трогающая за душу.

Принц на белом коне с трагическим прошлым.

В Японии им восхищались до безумия.

Когда он в парадной форме верхом на белом коне принимал участие в военном параде на День освобождения, его облик заставлял дрожать не только женские сердца, но и мужские.

В Японии выпустили фотокнигу «Мо Чону на белом коне» — она разошлась рекордным тиражом, хоть и была издана без разрешения или согласования с обладателем авторских прав.

Корейская армия официально подала протест, но японская сторона ответила, что издательство закрылось, а его глава сбежал. Тем временем фотокнига переиздавалась снова и снова, становясь бестселлером.

Полковник Мо Чону появлялся в японских новостях чаще, чем премьер-министр Японии. В Корею его называли «новой легендой», а Япония буквально преследовала его, используя то же прозвище — New Legend.

Его показывали везде: в парадной форме на государственных церемониях, в тренировочном костюме на учениях, в повседневной одежде на улицах, бегущего по стадиону...

Японцы отмечали день его призыва — точнее, праздновали его вместо самих корейцев.

Но даже влюбившись в образ, Япония не забыла унижение.

Корея делилась знаниями от широты души, но Японии хотелось напомнить о старых ранах: извиниться за военные преступления, признать правду о Хасэма (Острове-крепости), где использовался принудительный труд, перестать называть Восточное море Японским...

Вместо этого Япония снова достала любимую карту — спор вокруг острова Токто.

В день, который сама же объявила «днём Такэсима», Япония попыталась нарушить территориальные воды Кореи и приблизиться к Токто. Но получила предупредительный выстрел от корейских защитников острова. В ответ японский премьер-министр возложил подношение в храм Ясукуни.

Именно в этот период проходил конкурс на новое имя для гильдии, созданной в рамках военного-гражданского партнёрства. Ранее она называлась по-другому, но после перехода к гражданскому управлению потребовалась смена имени.

На фоне обострившихся антияпонских настроений в Корею, фаворитами стали названия вроде: Чхунму (имя адмирала Ли Сунсина), Черепаха (в честь его кораблей), Квангэтхо, Чонму-Чонму-и-Чонму (игра слов), Токто, Тома, Пэкпом и др.

В финал прошли имена Дон Хэ (Восточное море), Седжон (король Седжон) и Квангэтхо. Седжон традиционно использовалось для всего важного в стране, а Дон Хэ стало популярным как реакция на японское название Японское море.

По итогам голосования с большим отрывом от второго места «Седжон» и третьего «Квангето», победу одержало название «Дон Хэ». Полковник Мо Чону, прислушавшись к мнению народа, назвал гильдию «Дон Хэ».

По результатам опроса общественного мнения в Японии, многие японцы признались, что

чувствуют предательство со стороны полковника Мо Чону, но тем не менее его фанаты оставались преданными. «Ты мне нравишься! Мо-сан красив, что бы он ни делал!»

Так гильдия Мо Чону с самого начала оказавшаяся в центре споров, получила новое имя — «Дон Хэ». С момента её основания прошло всего несколько лет. А с момента внедрения системы частных гильдий в Южной Корее — чуть больше.

Теперь в Южной Корее количество зарегистрированных гильдий превысило общее количество франшизных кафе по стране.

Недавно полковник Мо Чону завершил десятилетнюю службу в армии и стал гражданским лицом. Основанная как совместный проект армии и гражданского сектора, гильдия «Дон Хэ» заранее была преобразована в частную. Однако это не означало полного разрыва с поддержкой и связями со стороны правительства и армии. «Дон Хэ» оставалась признанной как крупнейшая и сильнейшая гильдия в стране.

Теперь его следовало бы называть не полковником Мо Чону, а главой гильдии Мо Чону или бывшим полковником. Но люди всё ещё звали его полковником Мо Чону.

Даже дикторы на телевидении часто по ошибке говорили «полковник Мо Чону», а потом исправлялись на «глава гильдии Мо Чону». Что уж тут говорить.

В мире, где Мо Чону стал главой гильдии «Дон Хэ», больше не требовались жертвы со стороны солдат охотников. Хотя система добровольного набора охотников в армию и закон «Один охотник в каждой семье» пока не были официально отменены, они находились на стадии упразднения.

Теперь проявившийся охотник получал выбор: пойти в армию и стать военным охотником или присоединиться к частной гильдии и работать там.

Даже если охотник выбирал службу в армии, это больше не означало участь солдата охотника, как раньше. Их даже не называли так. Это были профессиональные военные в полном смысле слова.

А может, и лучше, чем просто военные — ведь поступить на службу и уволиться стало проще. Повторный призыв был тоже возможен.

Военные охотники считались государственными служащими. Они работали по восьмичасовому графику пять дней в неделю. Надбавки за переработку и командировки соответствовали системе оплаты госслужащих.

Но, за исключением стабильности и «золотого корыта», ни по одному из показателей — ни по соцпакету, ни по доходу, ни по условиям — армия не могла сравниться с частными гильдиями. Поэтому желающих служить в армии почти не осталось.

Когда Мо Чону ещё служил, находились охотники, идущие в армию из восхищения им. Но после его демобилизации уровень отставок среди военных охотников резко вырос.

Прошло десять лет, и мир изменился до неузнаваемости.

В мире, который создал Чону, Ёну чувствовал себя потерянным, как ребёнок, оставшийся без родителей.

Крупнейшая и сильнейшая гильдия Кореи!

Глава гильдии Мо Чону ждёт именно вас.

Обещаем наилучшие условия вне зависимости от ранга!

Улыбающийся Чону на рекламном щите — это был уже не тот Чону, которого знал Ёну.

Сразу после выхода из подземелья «Тэхакно 01 (Университетская улица 01) Ёну отправился вместе с тем самым полковником Мо Чону в главный офис гильдии «Дон Хэ». В самом центре Сеула, на последнем этаже 130-этажного здания, находилась пентхаус-резиденция Чону. Ёну провёл там одну ночь.

На следующий день Ёну был передан военным.

Когда прибыли военные, Ёну не ожидал, что Чону просто так отдаст его. Он даже опасался, что Чону может напасть на военных, но тот спокойно передал Ёну.

Однако перед этим Чону сказал:

«Если не хочешь, чтобы я стал врагом всей армии Республики Корея, молчи. Жди, пока я не приду за тобой».

Взгляд Чону дал понять, что это не просто слова.

Молодого, порывистого Чону, каким Ёну его помнил, больше не было. Теперь он был мужчиной, умеющим контролировать своё безумие и при необходимости демонстрировать его.

Проведя десять лет в подземелье, где он не раз был на грани смерти и даже умер однажды, Ёну сразу почувствовал исходящее от Чону необузданное безумие.

Он был как бомба с часовым механизмом — всеми уважаемый, но способный без колебаний уничтожить любого.

Мир изменился настолько, что старому охотнику было трудно адаптироваться. Но, возможно, на самом деле ничего не изменилось.

Мир всё ещё полагался на такие бомбы, как Чону, как на своё спасение.

Ёну был тем, кто больше всего желал, чтобы эта бомба не взорвалась и был счастлив. Поэтому он подчинился угрозе Чону.

Ёну спокойно пошёл с военными, прошёл допросы и встречи с высокопоставленными лицами. Они пытались на него надавить, угрожали и уговаривали.

Ёну отвечал уклончиво, соблюдая молчание, понимая предупреждение Чону.

Военные не хотели признавать десять лет, проведённых Ёну в подземелье. Дело было не в деньгах или пенсии.

Ёну попал в подземелье на пятом году службы. Если не учитывать эти десять лет, ему пришлось бы служить ещё пять лет.

Это дало бы военным возможность контролировать Чону через Ёну.

Ёну не понимал, почему он так важен для Чону.

Военные объяснили: семья Чону погибла в инциденте с подземельем во время корпоративного мероприятия. Ёну был его единственным оставшимся родственником.

Хотя у Чону были приёмные брат и сестра, военные их не учитывали, как и сам Чону.

Военные знали, насколько Чону был одержим подземельем, где пропал Ёну. Он даже покинул церемонию увольнения, чтобы спасти его.

Поэтому Ёну был нужен военным как средство контроля над Чону.

Расследование событий в подземелье было второстепенным. Родители сержанта Ким Чону, ежедневно протестующие перед военной базой, были бы в отчаянии, узнав об этом.

Военные даже показали Ёну их протесты, чтобы вызвать у него чувство вины и склонить к службе.

Но Ёну молчал. Он не чувствовал себя обязанным служить государству или товарищам.

Он не считал себя важным для Чону, но не исключал такой возможности. Поэтому действовал в интересах Чону, даже если это означало подчинение его угрозе.

Военные не смогли долго удерживать Ёну. Гильдия "Дон Хэ" оказывала давление, и военные не могли противостоять этому.

Под давлением общественности они передали Ёну Чону через пять дней.

Ожидая, что его удержат на месяц-два, Ёну был удивлён слабостью военных. За десять лет их влияние сильно ослабло.

«Хорошая работа, брат».

Чону мог бы послать кого-то за Ёну, но пришёл сам, в сопровождении множества журналистов.

Под вспышками камер Чону крепко обнял Ёну. Это была вторая трогательная встреча братьев.

Ёну застыл в его объятиях, не из-за камер или притворства Чону, а из-за ощущаемой от него жестокости.

Он также почувствовал изменения в своём теле.

Во время пребывания в армии его тело становилось всё менее чувствительным. Он списывал это на адаптацию после десяти лет в подземелье.

Но при прикосновении к Чону его чувства вернулись. Тело расслабилось, кровь снова закипела.

Он не мог объяснить это чувство, но не было времени задумываться.

Журналисты, как представители изменившегося мира, окружили Ёну. Тысячи вопросов сыпались на него.

Брат, ставший охотником ради спасения брата. Брат, отказавшийся от военной отсрочки, чтобы спасти брата.

Журналисты были в восторге от этой истории братской любви.

Хотя СМИ всегда любили сенсации, это казалось чрезмерным.

Почему они так себя ведут?

В мире, где каждый стремится стать охотником, зачем делать из этого национальную историю?

Возможно, это было проявлением восхищения новым героем Чону.

Ответ пришёл, когда Ёну покидал здание, передавая свою опеку от военных к Чону.

Перед тем как сесть в машину, он почувствовал холодок по спине.

Это было знакомо, но неожиданно. Почему? Это же не подземелье, а военная база.

Не успев подумать, тело среагировало само.

—Чёрт, ложись!

Ёну схватил Чону и повалил его на землю. Почти одновременно произошёл взрыв.

Два взрыва в здании и один в машине, в которую они собирались сесть.

Чону был удивлён, не ожидая взрыва или реакции Ёну.

Ёну, как в подземелье, укрыл Чону за клумбой.

—Что ты делаешь?

—Тихо!

Он прижал Чону и осмотрелся.

Дым был густым, как на химических учениях. Люди кричали и плакали.

Это был первый хаос за десять лет, но Ёну оставался спокоен.

Он беспокоился о Чону, забыв, что тот охотник.

Сняв куртку, Ёну прикрыл лицо Чону. Когда тот попытался убрать её, Ёну оттолкнул его руку.

—Не двигайся. Этот дым вреден. Послушай меня.

Этот взрыв, этот дым — всё это не было обычным. Это был не какой-то слезоточивый газ для тренировок, от которого только слёзы и сопли текут. Это был настоящий боеприпас, который охотники-солдаты использовали в подземельях, где появлялись насекомобразные монстры.

«Почему он взорвался здесь?»

Ёну прикрыл рот и нос рукавом и прищурился.

Это не могло быть случайностью или неосторожным обращением на военной базе. Даже если бы и так, это всё равно не объясняет, почему взрыв произошёл в машине, куда хотел сесть Чону.

Ёну быстро перебрал в голове всё, что услышал за последние пять дней в армии. Солдаты, которые пытались допросить и переманить его, говорили: теперь охотники обладают всякими скиллами, сверхспособностями. Больше они не воюют по-старинке.

Возможно, использование таких гранат — это как раз тот «старинный способ».

«Не думаю, что армия устроила это, чтобы не отдавать меня Чону».

Ёну прикусил губу.

«Кто это? Кто мог такое сделать?..»

Если бомбу установили в машину, это значит, что целью был либо он, либо Чону. А может, оба.

Если они узнают, что оба остались живы, то обязательно предпримут дальнейшие действия. Ёну затаил дыхание и стал ждать движения «врага».

Тот факт, что они установили бомбу в машину Чону, уже делал их врагами.

Прошло немного времени, как несколько человек приблизились со стороны клумбы.

Это были фальшивые журналисты, притворявшиеся обычными среди настоящих представителей прессы. Они выглядели так же, как и остальные, но на лицах у них были специальные противогазы, предназначенные для подземелий.

Из-за дыма рассмотреть их лица было трудно, но Ёну и по звуку шагов понял: они такие же охотники солдаты, как и он.

[Лейтенант Мо Ёну.]

[Пожалуйста, пройдем с нами. Здесь не место для вас.]

Послышался искажённый механический голос.

Они пришли не за Чону, а за Ёну.

«За мной? Почему? Что делает армия?»

На плацу военной базы охотники солдаты устраивали беспорядки. Такого десять лет назад представить было невозможно.

«Неужели это приказ армии? Но почему?..»

Ёну нахмурился, не понимая, что происходит.

— Нет, он не пойдёт с вами.

Это сказал Чону, уже снявший с головы пиджак.

— Сиди спокойно!

Ёну попытался снова накинуть на него пиджак, но Чону лишь рассмеялся и отмахнулся.

Вдруг, кроме тех пятерых, почувствовалось ещё чьё-то присутствие. Сквозь дым показались ещё около двадцати человек.

— Если нет сопротивления к яду — надевайте противогазы как следует.

Послышался чей-то голос. Некоторые из них были в противогазах, но большинство — с открытыми лицами. И выглядели они вполне нормально. Как и Чону.

Ёну убрал пиджак и посмотрел на Чону. Тот действительно выглядел так, словно всё в порядке.

Охотники с открытыми лицами вступили в бой с охотниками солдатами в спецпротивогазах. Скиллы, о которых Ёну слышал лишь в рассказах, вспыхивали в дыму. Он внимательно наблюдал за происходящим.

Двоих из пятерых схватили, трое убежали. Пойманные охотники солдаты немедленно раздавили капсулы во рту и проглотили их, после чего упали замертво.

Внутри капсул был яд, полученный из экстракта ядовитой жабы монстра. Это тоже считалось «старым» оружием охотников солдат и часто использовалось для самоубийства в безвыходных ситуациях. Поэтому даже десять лет назад в армии использование таких капсул разрешалось только в самых сложных подземельях.

Чону подошёл к телам погибших охотников. Окружившие его охотники склонили головы.

Чону махнул рукой, вместо приветствия, и присел на колени перед одним из тел. Открыл рот мертвого, посмотрел внутрь и цокнул языком.

— Яд жабы... Я же говорил: сразу проверяйте рот и нейтрализуйте.

— Простите, всё произошло слишком быстро.

— Я же говорил: берите с собой охотников со скиллом заморозки или шокируйте током, чтобы вырубить.

— Учтём.

После короткого разговора с одним из охотников Чону обернулся к Ёну.

— Как...?

— Я сам раньше так делал. А сейчас у меня сопротивление к яду довольно высокое.

Он сразу дал два ответа.

<http://bllate.org/book/12393/1213610>